

КОНКУРСНАЯ РАБОТА

Субъект Российской Федерации:

Забайкальский край

Населенный пункт:

г.м. Дарасун

Образовательная организация (полное название):

Муниципальное общеобразовательное учреждение
"Средняя общеобразовательная школа №1 п. Дарасун"

Участник конкурса:

Кисеева

Фамилия

Екатерина

Имя

Викторовна

Отчество

Класс (курс) обучения участника:

11

Тематическое направление:

Театр жив, пока у него есть зрители: 2019 -
Год театра.

Жанр сочинения:

Рассказ

Тема сочинения:

Сцена принимает лишь тех, кто рождён для
служения ей.

... Ноги трепко хлопали по лужам, щедро обдавая
растущую рядом траву курными трезвыми каплями. Тро-
ужавшие лишь машинной лениво махали дворниками,
водителям недоуменно смотрели на мальшка.

Ваня бежал, задыхаясь от усталости, а в голове его
крутилась лишь одна мысль:

- Опоздаю!

В тот день, как и в любой важной день в жизни чело-
века, всё пошумало наперекосяк. Не прозвонил вовремя бу-
дильник - и вот несчастный школьник, торопясь, уже про-
лил себе чайную заварку на чистые штаны... Затем был
замесивший кашель от попавшего не в то горло бутер-

брюда, сложенной замок на любимой куртке и новой шапке на коленке...

А когда ему всё же удалось привести себя в порядок, и, наконец, выйти из дома — только тогда он заметил, какую глеть развёл на улицах дождь. Переодевшись и сложив парадную форму в портфель, Ваня с печалью оглянулся на час, глубоко вздохнул и быстро пошёл — се вдаль по мокрому асфальту.

Холодные капли яростно бились о серую, как небо, старую и порванную зонт — Ваня схватил его, даже не посмотрев. После пары незамысловатых движений вода просочилась в кроссовки и добралась до потемневшей ткани брюк, неприятно прилипнув к тёплой коже. Коричневая куртка, будучи расстёгнутой, поддавалась малейшему дуновению ветра и развеивалась позади, как плащ.

Кругом в этой продрогшей дождевой серости устремляюще мелькали потемневшие деревянные дома, в которых притаились люди и наверху сидели возле тёплых трескущих печей, когда как одинокий мальчик, как будто совершенно забывший про гадкую погоду и время, спешит куда-то, но никто не знает — куда...

Наконец, миновав ещё пару безлюдных улиц, Ваня с удивлением увидел, как перед его продрогшей и жёлтой фигурой возвысилось массивное и величественное здание сельского дома культуры. Украшенной лепниной, с широкими ступенями — он высился странно на фоне бетонных одноэтажных домов и напоминал здание Времён Пушкина, которое Ваня разглядывал на страницах учебника по истории.

Внутри было тепло и пусто. Лишь похолодевшая ворши-

вая уборщица, водившая мокрой шваброй по темной мраморной плитке, говорила что-то себе под нос и время от времени тяжело вздыхала.

По телу мальчика пробежала лёгкая дрожь, и тут же приятной волной разлилось тепло. Он вздохнул на газе и облегченно вздохнул. "Успех!" - пронеслось в его голове. Не уверенно шалае мокротами красовками по только то вальмотому пошу, он незаметно поднялся на второй этаж.

Широкий темный коридор был наполнен разношерстными людьми. Вдоль левой стены, увешанной всевозможными грамотами и фото, стояли в ряд музыкальные инструменты. Тут была и кенская, с красивыми наклейками шестиструнная гитара, и ещё одна - странная, маленькая, подобная ей. Правее стоял потёртый, массивный бачен, который, махнув своей тонкой оборонительной копской, чуть не задела воздушная и лёгкая, словно фиапка, танцовщица. Её живой заразительной смех разливался, казалось, по всему зданию и отбавался не только в лицах подружек, но и на любом проходящем мимо лице. Вдалеке, окружив незнакомого Ване преподавателя, стояли чиннастая и что-то с увлечением обсуждали. Ближе всех, невольно склонившись и спрятав покрасневшие щёки, стояла маленькая девочка и теребила подол длинного молочного цвета платья. Над ней, грозно нависнув своей турной фигурой, стояла нарядная и неуверенно ярко накрашенная женщина и объясняла, что что-то нужно "взять воше" и "воткнуть"...

Ване стало в нерешительности и, широко открыв свои светло-голубые глаза, наблюдая за этими камердасками и красок и разношерстных голосов, не зная к кому обратиться - все, как ему казалось, были ужасно заняты, и наверняка не

обратили бы даже внимание на его жалкую персону. В то же время, ему было необходимо найти в этой бесконечной суете художественно-руководителя - Татьяну Михайловну, шло которой, как заноза, терзало мальчика и заставляло переступить через стеснение.

Наконец, его потерянной взгляд встретился с живым и сияющим странной радостью взглядом - перед ним, приветливо улыбалась, стояла невысокая худая женщина в строгом платье.

- Это Ваня Земелин? - спросила ласково она, слегка приподняв бесцветные брови.

Мальчик сразу узнал в ней ту самую Татьяну Михайловну и кивнул головой, замедлившись на это известное с морщинками лицо. На душе его стало легко от того, что всё решилось само собой, и он оказался в нужных руках.

- Это промок совсем! Бедный! - с театрально-прищипленной печалью в голосе сказала она, - А почему не одет еще? Что с собой принес?

Ваня снова кивнул и улыбнулся.

- А разговаривать-то умеешь? Или вместо стихотворения просто молча постояшь? - хмыкнула Татьяна Михайловна, пристально смотря ему в глаза.

- Нет, - промолвил Ваня и засмеялся.

- Ну, тогда иди вот в этот кабинет, - она отвела свою худую обессиленную руку в сторону полуоткрытой двери с надписью "Кабинет № 5", - Там переодевайся и иди сюда, - рука её, проворно повернувшись, указала на следующую дверь, из-за которой раздавался разноязычный говор, - Я тебе там буду ждать.

И, помадив Ваню по плечу, она подмигнула и скрылась среди этой многолюдности, как будто и не было здесь её тёплого плеча, так страшно водившееся среди всех цветастых нарядов.

Через пять минут на пороге кабинета №3 стоял нарядно одетый мальчик, совсем не похожий на того, кто пришёл пару минут назад в широкой синтетической куртке, тёмной футболке и мокрых летних штанах над изношенными кроссовками. Теперь же длинное, только что отглаженное (благодаря доброй работнице дома культуры) штаны слегка упирались в носки тёмных лакированных туфель, начищенных и отражающих в белом блеске окружающий свет; из небольшого кармана тёмного пиджака кокетливо торчал аккуратно сложенный платок, а поверх накрахмаленной рубашки висел тёмно-красный галстук, который неприметно сдавливал тонкую шею, но Ваня старался не обращать на это внимания, и в шагах его, как и прежде стеснение, горел огонёк самодовольства и гордости.

- Вот теперь - такой красавец! - воскликнула Татьяна Михайловна, качая своей кулаковой головой и хлопая глазами.

По периметру большой светлой комнаты были расставлены три стола, на всех них - кучи бумаг, каких-то перьев, шпорок и икрушек. Вдоль стен стояли высокие шкафы, доверху набитые папками; кое-где из-под их дверей торчали разноцветные материи и ленты. Напротив висело зеркало в полный рост, у которого космическо стояла молодая девушка, одетая в воздушное голубое платье, и смеялась. Вокруг неё вертелась нарядная девица, в которой Ваня сразу узнал свою преподавательницу по ленинскому, и прикалывала неслучайные приёмы заколками. Были там и ещё какие-то разноликие

и наперебой говорящие ребятишки и халки, бедной и тонкой, как штарная струна, их руководитель, тизетко поталасуи-ся что-то втолковать этим непоседам.

Когда вошли Ваня, десяток любопытных шау уставившись на него, и возникшая на мновение самоуверенность вновь исчезла без следа - щёки его вдруг зашлепи, а взгляд спря-тался под моргающие веки.

Татьяна Михайловна сидела рядом на старом потертом диване и, лишво растешивая каждое слово, что-то рассказыва-ла своей коллеге. Заметив Ваню, она вши оксивишась, вско-шла с шешкою сидения и направилась к выходу.

- Так-то лучше, - заулобалась она, осканив свои пожелтевшие от времени зубы, - Тайдём!..

Среди рельефных дащатых стен, тешувившихся высоко над потолка здания, синели рядо обшарпанного, неудобно-хёсткого сидения, между которыми белали маленькие девочки-цветочки. На самом первом и близком к сцене ряду уселись трое ма-ложек и, тешко прижавившись друг к другу, старались никому не помешать, о гём-то активно разговаривали. Оранжей светящейся прешастью виднелась оркестровая яма, из которой доносились эмоциональный спор; сверху, на отделециал от сцен-ной уластке стекла аппаратура со всем множеством кнопок, рычажков и горуцих лампочек, вокруг которой суетились работницы и любопытные артисты. Это и дело неосиданно улошко вкшогалась мужожа, из-за гёмо Ваню с неупривогими постоянно вздрашивали.

Тольше всего ему понравилась сцена. Небольшая, с истештан-ной и потертой полом, которой шешка покрешивал, когда по нему проходили работницы с реквизициом, она была обраш-

лена массивными шторами тёмно-коричневого цвета; уже более пятидесяти лет они скрывали за собой все секреты театральной жизни: горя бутарфорши, холодную и уродливую гримерку артистов, шепчущих слова сценария и их инструменты. Всю эту таинственную и вдохновляющую атмосферу таила в себе эта сельская сцена, и как только Ваня предался наклонившимся мечтам и представил себе на ней — вдруг услышал позади себе голос Татьяны Михайловны, которой стал заметно серьёзнее.

- Сейчас выходи на сцену, я тебе послушаю.

Поднявшись по маленьким ступенькам, шатаясь, Ваня робко прошёл и встал, как вкопанной, посреди сцены. Зан действовал на него гипнотически, и, представив, что скоро он весь займётся кудрей народа, и каждой будет смотреть на него, прощая вжимдом, Ваня почувствовал земшущий страх.

- Чуть-чуть правее, — пошляхалась голос художественного руководителя; она успела забраться в середину зала и оттуда, прищурившись, внимательно разглядывала Ваню.

Он сделал шаг вправо и снова бессмысленно уставился на пустые сидения, стараясь не встречаться вжимдами с артистами. Перед самой сценой суетились работницы, переоборудиваясь.

- Все-техо! — властным голосом скандировала Татьяна Михайловна, и всем показалось удивительным, что такая хрупкая и нежная с виду персона имеет такой золотой голос, — Нет, Ванечка, — по-прежнемому ласково сказала она, шедя на тлеца, — Давай тот выйдешь из-за кулис.

И мальшик, лобившись, скрылся за плотной шторой.

- И микрофон возьми, там, в коробке у стекла.

За кулисами цвела сцена. Купи разноцветных материй, каких-то обрзуей, галтелей, мелких ирушек переливались в

руках быстро бегущих работников. В отдаленной тишине слышался смех, топот и шум платков. Это и дело оттуда выскакивали раскрасневшиеся танцующие, те самые "фрианки", которых Ваня видел в коридоре, и какая-то незнакомая доселе женщина попыталась их успокоить, пища своим тихим голосом. Вдоль первой от сцены стены стояла широкая деревянная лавка, справа над ней нависал оцилиндрованный железный блок с раздвижными роликами и одной большой, ярко-красной кнопкой. Внизу, на стуле, уткнувшись в белоснежное листы бумаги, сидел ещё один мальчик, постарше Вани, одетый в страшный костюм. Он, абсолютно ничего не замечая, монотонно отпечатывал свой текст, казался в такт своим словам. Рядом с ним Ваня увидел ту самую коробку и, неуверенно приблизившись, дрожащей рукой взял микрофон.

- Можно начинать!

Ваня неторопливо вышел, как учил его организатор конкурсов во время школьных выступлений, грациозно держась спиной и смотря в дальнюю стену зала, заняв привычную позицию в центре сцены и, словно желая удостовериться в правильности своих действий, взглянул на худрука.

- Отлично, начинай! - воскликнула Татьяна Михайловна, и одобрительная улыбка вновь осветила её лицо.

И тут юного змея охватила волна беспокойства, и что-то темное, неподъемное засело в груди, мешая дышать. Он совершенно не мог вспомнить слов своего стихотворения и, разволновавшись ещё больше, начал водить глазами по всему залу, пытаясь отыскать помощь... Сердце его забилось так, что стучало в уши, глаза наполнились слезами,

которые он из всех сил старался сдержать. "Я не буду звать..." - пронеслось в голове мальчика, как вдруг он снова услышал ласковый голос:

- Не волнуйся, Ванечка, давай: "Над широким..."

И в тот же миг слова вспомнились. И Ваня, обильно улыбаясь, неминого помолчал, чтобы восстановить дыхание, а затем в застоявшемся зале раздались его чистый, но всё же подрагивающий голос, раздавался эхом в каждом его уголке, сливался и вращался в эту волшебную атмосферу:

- Над широким берегом Дуная...

И Ваня чувствовал, как неведомая сила накопленна всё его тело, как голос его становился всё болеелавным и звонким, и уверенность, которая, казалось бы, уже не собиралась возвращаться, снова воодушевила его. Слова, скальзе по губам, разлетались повсюду, и Ваня чувствовал это, чувствовал, что все эти пять минут выступления - он здесь царь и Бог, он повелевает этой нерушимой энергией и шуршит на струнах учительской души.

- Над великой Тамишской землёй... - уловил в застоявшемся зале, в то время как одиноко сидящая Татьяна Михайловна медленно кивала головой, растопив свою неизменную улыбку.

Ваня закончил и бездвигательно стоял, восстанавливая дыхание. Через мигонение иушиенно услышавшийся зал ответил неслыханными искренними рукоплесканиями.

- Отлично, - воскликнула Татьяна Михайловна. Момент идти за кулисы.

И мальчик, улыбаясь, в задумчивости сел на лавку, тихо наблюдая за происходящей белотней. Тем временем худ-

рук кокетливо спустилась по ступеням а затем, подневшись на сцену, подошла тихим шагом расшатанной походки и села рядом с Ваней.

- Получается у тебе хорошо, да же и не скажешь, что первый раз на сцене, - угастливо сказала она, - В конце только не торопись, не тараторь.

И, наблюдая за зашравшейся танцовщицей, которая бежала и светила своим почти бордовыми от хохота лицом, они пошолгали.

- Волнуешься?

- Есть немножко... - прошептала Вана.

- Ну, это у всех так, - ответила Татьяна Михайловна, похлопав тещу по плечу, - Тут, главное, первые строчки не забудь. Главное - нагать, а потом всё пойдет, как по маслу - вот же этот текст отлично знаешь.

Ване сидел и стеснительно улыбался, смотря в пол.

- У тебе всё получится, я это знаю, - продалсала женщина.

- Откуда? - поинтересовался Ваня, наивно уставив на неё свои голубые глаза.

- Понимаешь... Такая штука... Как говорит опытные актёры, сцена не терпит посторонних, но тех, кто создан для сцены и ей, она всегда принимает и наполняет своей силой... - сказала она серьёзным и таинственным голосом, - Я вижу в тебе этот дар, а значит - сцена тебе примет, а значит - и выступление твоё будет превосходным. Это магия. Она необъяснима, но она действует. Ладно, - заключила Татьяна Михайловна, хлопнув себе по коленкам, - у меня много работы, вынуждена тебе оставить. Удачно всё получится!

И, по-матерински приобняв Ваню, она скрылась за дверью.

Через полчаса, когда света неслишком поумнело, и кушак наполнились взволнованными артистами, к Ване, который всё это время одиноко сидел у коробки с микрофоном и крепко о чём-то задумался, подошла ярко накрашенная дама и сказала бодрой и грубой голосом:

- Здравствуйте Ваня - мой местный выступаем, после танца вот этих ребят, - и она демонстративно положила руки на плечи стоящей рядом девочки в костюме цветка, которая от неопытности забегала испуганными шагами, а затем скролась среди общей толпы так же внезапно, как и появилась.

- Хорошо, - тихо ответил мальчик, ворванной из ослепительных миганий, и начал ошедеваться. Всеобщее волнение, наступающее в любой творческой душе перед началом выступления, невольно передалось и Ване. Он беспокойно смотрел на сцену и реагировал на любое движение, происходившее за кулисами. Худруки расставляли юных артистов в правильном порядке, давали последние советы, объясняли, как себе вести.

Но, когда всё уже было полностью готово, и артисты, уставшие ждать, невзирая на страх, скорее рвались блистать на сцене, послышались шумные возмущенные голоса. До Ванькиных ушей донеслись лишь обрывки фраз:

- Нету никого... Затем проводить тогда... - спрашивал грубой и торопливой мужской баритон.

- А это, не будет концерта? - спросила одна из "фиалок", озираясь по сторонам выжужженными шагами.

- Будет. Сидят все люди в зале, - ответил ей полноводный балетист, заботливо держа свой инструмент на коленях.

- Так их всего человек семь...

И тут же взволнованная толпа с любопытством вошлепнула в зал. Их примеру последовал и Ваня.

И правда, в зале было человек семь: три уже знакомые мамочки, две девчонки-подростка, которые пришли поддержать своих подружек, почтенная женщина, старавшаяся рассмотреть своего красавца-внука среди всей массы выступавших, и какой-то хмурый мужчина, который сидел в самом углу, у лестницы.

- Отменяет сейчас... Почему не пришел никто?.. Всё, разошлись, - шептались голоса на разной манер. У входа в кулисы стояли худруки и обсуждали дальнейшие действия.

Вдруг тот самый баекник, тихо сидевший в углу, одетый в русский народный костюм, встал, аккуратно придерживая баек, и чашко скажу, обращаясь ко всем:

- Нельзя концерт отменять. Ну и что, что народу мало. Театр жив, пока у него есть зрители, и пусть хоть там будет сидеть один-единственный, самый последний зритель - ради него должно постараться. Так что хватит думать, время пришло - пора начинать!

Слова старика вызвали изумление; люди, перешедшаясь, молчаливо спрашивали друг друга: "Ну что, будем?", и по уловкам, нарастающим на лицах, было понятно, что слова баекника задеши их за живое - они были готовы...

